

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ЗВЕЗДА СУМБУЛЕ

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

* * *

Где ты,
город, задавленный лавой садов,
с юга пенные горы,
как волны прибоя,
много,
много найдётся таких городов,
где за чёрными вишнями
небо рябое.
Где ночами над крышами
месяц-петух
топчет в тёмном гареме
хрустальных хохлаток.
На заре алый гребень
устало потух,
и орды петушатся,
зовут куропаток.
На асфальте ленивая смуглая тень –
Это ветер насмешливо бродит
под солнцем,
и колышутся тени бетонных стен,
так завистливых блики в бездонных колодцах.
Алмата,
твой ледник обжигаяще бел,
твои реки щекочут
лавинные горы,
не прощай, Алмата,
если кто-то пропел
раньше нас твоё имя,
моя белогорлая.

ЖАРА

Ах, какая женщина,
Руки раскидав,
Спит под пыльной яблоней,
Чуть журчит вода.
В клевере помятом сытый шмель гудит.
Солнечные пятна бродят по груди.
Вдоль арыка тихо еду я в седле.
Ой, какая женщина! Косы по земле!
В сторону смущённо

Смотрит старый конь.
Солнечные пятна шириной в ладонь...

АРГАМАК

Эй, половецкий край,
Ты табунами славен,
Вон вороны бродят
В ливнях сухой травы.
Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскачу до края,
Город и степь
Накреня.
Ветер раздует
Пламя
В жаркой крови аргамака,
Травы
сгорят
под нами,
Пыль
И копытный цок.
Твой аргамак узнает,
Что такое
атака,
Бросим
робким
тропам
Грохот копыт в лицо!..

ВОЛЧАТА

Шёл человек.
Шёл степью, долго, долго.
Куда? Зачем?
Нам это не узнать.
В густой лощине он увидел волка,
Верней, волчицу,
А точнее, мать...
Она лежала в зарослях полыни,
Откинув лапы и оскалив пасть.
Из горла перехваченного плыла
Толчками кровь, густая, словно грязь.
Кем? Кем? Волком? Охотничьими псами?
Слепым волчатам это не узнать.
Они, толкаясь и ворча, сосали
Большую неподатливую мать.
Голодные волчата позабыли,

Как властно пахнет в зарослях укроп.
Они, прижавшись к ранам, жадно пили
Густую холодеющую кровь.
С глотками в них входила жажда мести.
Кому?
Любому.
Лишь бы не простить.
И будут мстить
В отдельности,
Не вместе.
А встретятся –
Друг другу будут мстить.
И человек пошёл своей дорогой.
Куда?.. Зачем?..
Нам это не узнать.
Он был волчатник,
Но волчат не тронул,
Ребят уже не защищала мать...

КАРАГАЧ

В низине – осины
негромко растут
Под шорох степной тишины,
Прохладным ручьём тихо годы плывут,
курганом защищены.

Смотри, на кургане, где ветер поёт,
где слышится волчий плач,
вцепившись корнями в сердце моё,
шатаясь, стоит карагач.

В глубоких морщинах коричневый ствол,
В низине – кора гладка,
Там каждый листик водою полн,
Здесь – бьются из-за глотка.

Ломают бури, но он упрям –
Маяк пустынных степей,
Стоит, развернув навстречу ветрам
Плечи чёрных ветвей.

МОЛИТВА БАТЫРА МАМБЕТА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Бисмилля!
Я в далёких походах забуду себя.
Я в битвах – по году.

В обидах – по горло,
Я родился в седле,
Умираю в цепях,
Меня водят пешком, как собаку, по городу.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
Я забуду в зиндане¹ гортанные кличи, –
Утром тело разрубят и бросят в огонь,
Моё темя забудет былое величье.

Я забуду, как жёны боялись меня,
Я как меч обнажённый,
Но ржа меня режет.
Сердце в горле как яростная змея.

Э, не так!
Моё сердце – ошипанный кречет.
Всё забуду.
Молитвы – спасенье своё,
И пожары, и битвы, Аллаха забуду...
Аруах!..²
Ясный месяц в пустынях встаёт, –
И уходят в барханы
За самкой верблюды...

И в казахских казанах шипит молоко...
И собаки рвут шкуры друг другу от скуки...
Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,
А луна, как лепёшка, мне катится в руки.

¹ Зиндан – яма-тюрьма.

² Аруах – дух-предков.

КОЧЕВЬЕ ПЕРЕД ЗИМОЙ...

Когда расцветёт, сверкая,
Звезда Сумбуле,
Косяки кобылиц
Отдадут своё белое молоко,
Тонко-длинные гуси над степью моей
пролетят,
И печально-печально в ночи прокричат
Мои бедные, белые гуси.
Это значит – трава постарела
на пастбищах.
Поднимайся, кипчак...

Пусть умрёт у меня на руках,
Сверкая, звезда Сумбуле.

ОН БОРМОЧЕТ СТИХИ

Слова – медленный блик человеческого поступка,
Высоту, глубину и цвета извергает язык.
Повторятся в словах и глоток,
И удар,
И улыбка,
Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.
Эту чёрную ночь
Я опять принимаю в сообщницы.
В эту ночь я услышал неясный луны монолог,
А на красный язык,
Как на свет,
Пробирается ощупью
И полощется в горле
Белого слова клочок.
Я сейчас закричу,
Я нашёл!
Я хочу его выставить!
Пусть луна продолжает на тенях
Судьбу гадать.
Этот матовый свет,
Будто вспышка далёкого выстрела,
Обнажает лицо,
Опаляя меня на года.
Не нуждаюсь в пощаде глупцов,
Не покорствуя мудрым.
Слово бродит в степи,
Чтоб нечаянно встретить меня.
... Он бормочет стихи. Так молитву читают курды.
На суластом лице отсвет медленного огня.

НОЧЬ СВЕРШЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ

Ночь.
Тепло.
На ковриках шепчут старики.
Месяц бровь приподнял,
Словно в удивлении.
Камни на стремнине
Бешеной реки
День и ночь свершают
Обряды омовенья.
Люди Аллаху приносят

Дозволенные желанья,
Люди настойчиво просят
Свершенья ночных молитв,
Немного земного счастья
Вымаливают мусульмане,
В ночь Лейля-ули-кадр
Свет над землёю пролит.
Пыль поредела на тротуарах,
Как борода.
Люди шагают.
Саманные стены мечети молчат.
Дети проходят мимо мечети,
Словно года.
В дряхлой руке минарета –
Гнутая тень меча.
Шёлком чалмы развитой
белеет в траве арык,
Яблони моют корни
в седой воде,
В ночь Лейля-ули-кадр
Я, как старик,
По бетонным коврам площадей
Брожу и шепчу о тебе,
Да свершится моё желанье!

***ПОСЛЕДНИЕ МЫСЛИ МАХАМБЕТА,
УМИРАЮЩЕГО НА БЕРЕГУ УРАЛА
ОТ РАНЫ***

Мне удивительно: когда я весел,
что ни потребуется – все дают,
когда захочется унылых песен,
мне их с великой радостью поют.
Бываю рад, и все –
бывают рады,
я убегу, и все за мной в кусты.
Когда в жару я вижу дно Урала,
мне кажется, что все моря пусты.

И потому, когда кочевье выманит
всё моё племя, –
я один пашу,
когда никто не смеет слова вымолвить,
мне рот завяжут –
я стихи пишу.
Эх, если бы сказали мне:
«Великий,

прости людей, уже пора – простить,
мир будет счастлив
от твоей улыбки!»

Тогда бы я старался не грустить.
Сказали бы смущённые мужчины:
«Моря полны водой, пока Урал
не высохнет.
Пока ты жив, мы – живы...»
Тогда бы я, клянусь, не умирал.